

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

К. И. ЛОГАЧЕВ

ПРОБЛЕМА НОВОГРЕЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПОСТАНОВКЕ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Проблема новогреческого литературного языка встала перед греками после гибели Ново-Римской (Византийской) империи, когда эллинизм окончательно разделился на эллинизм поработенный и эллинизм диаспоры. Упадок национального греческого образования сделал невозможным столь же широкое, сколь и раньше, употребление нормы, служившей в Ново-Римской империи литературным языком. Начиная с XV в., многие, ссылаясь на это, доказывали необходимость перехода к новой литературной норме. Однако было немало и тех, кто видел залог выживания греческой нации в сохранении ею традиции употребления византийского письменного языка. Немало было и сторонников компромиссного решения этого вопроса.

Эти разнообразные тенденции в греческом языковом строительстве сохранились (хотя и во многом видоизмененными) до сих пор. Наличие их обусловило возникновение и сохранение до наших дней сложной языковой реальности в греческом обществе, характеризующей употреблением целого ряда форм литературной речи. Сложность же этой реальности обусловила в свою очередь то, что с XV в. до наших дней среди греков не прекращается периодически обостряющаяся борьба по «языковому вопросу» — вопросу отношения к тем или иным формам письменной речи.

Период относительного затишья в этой борьбе наблюдался после воссоздания независимого греческого государства, когда большинство греков приняло программу, предусматривавшую внедрение в качестве единственной общегреческой языковой нормы так называемой «чистой» формы литературной речи (кафаревусы). Создатели этой формы в качестве главного критерия отбора ее элементов приняли встречаемость этих элементов в классической древнегреческой литературе, следовательно, от пишущих на кафаревусе требовалось глубокое знание классического древнегреческого языка.

Таким знанием многие, употреблявшие кафаревусу, не обладали. Это послужило причиной опубликования в 1882 г. К. Кондосом «Лингвисти-

ческих замечаний относительно нового греческого языка»¹, содержащих требование большего уподобления кафаревусы классическому древнегреческому языку.

Один из противников кафаревусы (число которых к этому времени возросло), Д. Вернардакис, выступил в 1883 г. с возражениями Кондосу и заявил о необходимости двигаться в обратном направлении, все увеличивая в кафаревусе долю элементов народной ненормированной формы речи и тем самым все приближая кафаревусу к этой форме речи, имея в виду полное слияние обеих в будущем².

Полемика Кондоса и Вернардакиса была лишь началом нового периода обострения греческой «языковой борьбы». Основным для этого периода стала полемика профессора (с 1883 г.) Афинского университета Г. Хадзидакиса (1848—1941) и профессора (с 1903 г.) Парижской школы восточных языков Я. Психариса (1854—1929) — двух первых профессиональных лингвистов, принявших участие в спорах по «языковому вопросу». Хадзидакис вступил в эти споры в 1883 г., опубликовав работу «Почему ново-греки не культивируют народный греческий язык»³, в которой призывал отказаться от стремления максимально приблизить кафаревусу к классическому древнегреческому языку и добиться ее стабилизации; Психарис вступил в споры по «языковому вопросу» в 1886 г., опубликовав «Опыт исторической грамматики новогреческого языка»⁴, в котором призвал немедленно отвергнуть кафаревусу и ввести в повсеместное употребление норму, основанную на форме ненормированной речи, типичной для сферы бытового общения неграмотных⁵.

Ни один из указанных призывов не был абсолютно новым и, следовательно, никого из названных ученых нельзя считать родоначальником принципиально нового литературного языка. Кондос требовал в сущности того же, чего требовали П. Русанос (ум. 1553), Е. Вулгарис (1716—1806), Н. Дукас (1760—1845). Вернардакис и Психарис выдвигали по существу одно и то же требование, аналогичное требованиям, выдвигавшимся Н. Софианосом (первая половина XVI в.), И. Мисиодаксом (род. прибл. 1730, ум. прибл. 1780), Д. Катардзисом (род. между 1720 и 1725, ум. 1807), А. Христопулосом (1772—1847), И. Виларасом (1771—1823), Д. Соломосом (1798—1857). Хадзидакис отстаивал «средний путь», намеченный А. Кораносом (1748—1833). То принципиально новое, что появилось в период обострения борьбы по «языковому вопросу», начавшийся в 80-е годы XIX в., — это обоснования требований, выдвинутых Хадзидакисом и Психарисом. Ранее дискуссии по «языковому вопросу» носили чисто социологический характер. Хадзидакис и Психарис впервые стали для решения социальной проблемы нормы использовать лингвистические обоснования, т. е. выступили как социолингвисты и придали дискуссии по «языковому вопросу» социолингвистический характер.

Участие в этих дискуссиях в деятельности обоих ученых заняло главное место. Будучи подготовлены (Хадзидакис — в Германии, Психарис — во Франции и Германии) как историки греческого языка, они свои историко-лингвистические и диалектологические исследования обычно в

¹ К. Σ. Κόντος, Γλωσσικά παρατηρήσεις αναφερόμεναι εἰς τὴν νέαν ἐλληνικὴν γλῶσσαν, Ἀθῆναι, 1882.

² Ψευδαττικισμοῦ ἐλεγχος, Τριέστι, 1884.

³ Γ. Χατζιδάκις, Διατὶ δὲν καλλιεργοῦσιν οἱ νέοι «Ἕλληνες τὴν δημῶδη ἐλληνικὴν γλῶσσαν», «Ἐστία», 15, Ἀθῆναι, 1883, стр. 390—394.

⁴ J. Psichari, Essais de grammaire historique néo-grecque, 1, Paris, 1886.

⁵ Ср.: Ἀπαντα Μαυρόλη Τριανταφυλλίδη, 5, Θεσσαλονίκη, 1963, стр. 279 и сл.

большей или меньшей степени увязывали с социолингвистической проблематикой.

Деятельность Хадзидакиса и Психариса в 80-е годы XIX в. знаменовала рождение национального новогреческого языкознания, в котором, благодаря этим ученым, социолингвистическая проблематика с самого начала заняла одно из важнейших мест.

Поскольку после Хадзидакиса и Психариса принципиально новых (по содержанию или обоснованию) предложений относительно выхода из сложившейся в Греции языковой ситуации не появилось, оба они до сих пор остались крупнейшими теоретиками двух противостоящих друг другу в «языковой борьбе» группировок.

Все это обуславливает значение концепций обоих ученых и в наши дни как для частной области — новогреческого языкознания, так и для области общезыковедческой — социолингвистики, и делает целесообразным знакомство советских языковедов с этими почти неизвестными для них концепциями.

Взгляды Хадзидакиса относительно языковой нормы в Новой Греции не были застывшими. Его работы отражают динамику его воззрений на протяжении долгого периода. Однако ядро его концепции, согласно которому в силу социальных причин норма должна опираться на письменную традицию, сохранялось всегда неизменным.

Хадзидакис, однако, подчеркивал необходимость умеренной зависимости нормы от классического древнегреческого языка и заявлял, что чрезмерное уподобление ее этому языку было бы «большим национальным несчастьем», так как привело бы к языковому расколу нации, признаки начала которого уже проявлялись в конце XIX в. в том, что народ усваивал из кафаревусы лишь слова, не овладевая ее грамматическими формами. Необходимость регулируемого развития нормы в будущем была для Хадзидакиса также совершенно очевидной. Все это он выразил в своем программном заявлении: «Кафаревусу я употребляю, когда преподаю и когда пишу, и хочу, чтобы она — упрощенная, как это необходимо, и дополненная — была основой языка будущего»⁶.

При этом Хадзидакис не требовал искоренения других форм греческой речи, а напротив, относился к ним с большим вниманием. Так, он одобрил употребление формы промежуточной между «упрощенной кафаревусой» и формой ненормированной речи, типичной для бытового общения неграмотных (народной или еще более простой кафаревусы). Он призвал обратить серьезное внимание на быстро распространявшийся с конца XIX в. городской говор, «который, двигаясь между кафаревусой и местными диалектами и отстоя на равных расстояниях от первой и вторых, употребляется во всех городах Греции и Турции образованными и необразованными» и может послужить основой нового койне в Греции. Он не закрывал для «народного языка» возможности возвышения в будущем на положение языка письменного, допуская, что когда «народный язык» станет всесторонне известен, «тогда сможет исчезнуть презрение в отношении его... и начнется понемногу более широкое его употребление в письменной речи, до тех пор, пока он не станет употребляться наравне с нынешней кафаревусой и наконец, возможно, и победит»⁷.

Понимая социальный характер вопроса о норме, сознавая зависимость его решения от отношения к нему греческого общества, отдавая себе отчет, что легкость теоретических выводов не означает легкости их практического

⁶ «Απαντα...», 4, 1963, стр. 170, 174, 481; 5, 1963, стр. 300.

⁷ Там же, 4, стр. 173—174, 451.

осуществления, Хадзидакис считал необходимым менять свою тактику в соответствии с изменением в Греции общественного мнения по поводу тех или иных форм речи⁸.

Причины неудач языкового строительства в Греции в XIX в. Хадзидакис видел не в том, что школа пыталась внедрить архаизирующую кафаревусу, а прежде всего в недостатках самой школы, которая не смогла помочь молодому поколению овладеть этой формой речи во всем ее объеме⁹.

Итак, концепция и программа Хадзидакиса основывались в значительной степени на социологическом анализе современной ему греческой действительности. Социологическая аргументация донине осталась основной опорой сторонников созданного Хадзидакисом современного компромиссного направления в решении проблемы новогреческого литературного языка (допускающего в этот язык как древние, так и новые элементы). Направление это является умеренным языковым традиционализмом и представляет собой составную часть современного греческого традиционализма в целом.

Концепции Хадзидакиса присущи элементы диалектичности: в ней в целом верно отражена диалектика языковой реальности в Греции конца XIX — начала XX в., отражающая в свою очередь диалектику борьбы в греческом обществе между верностью национальным традициям и требованиями жизни.

Диалектичность концепции Хадзидакиса была совершенно чужда и сторонникам архаизирующей кафаревусы, и противникам каких-либо уступок традиции. Последние называли его позицию «двойной» и «противоречивой». Но все же именно один из его самых убежденных противников — ведущий с 30-х годов XX в. языковед-антитрадиционалист М. Триандафилидис — признал, что Хадзидакис является «единственным представителем круга архаистов, требующим вести кафаризм к языковой реальности»¹⁰.

Психарис в течение всей своей жизни ни в чем не изменил свои воззрения по проблеме языковой нормы в Новой Греции, сформулированные им в 1886 г. в «Опыте исторической грамматики новогреческого языка». Его последняя крупная работа — «Большая научная грамматика новогреческого языка», начавшая выходить в 1929 г.,¹¹ — в том, что касается вопроса о норме, ничем не отличается от «Опыта». До самой смерти Психарис считал непрерываемой истиной свою концепцию, основанную на неверной предпосылке об отсутствии в Новой Греции формы речи, заслуживающей названия литературного языка.

Первое положение его концепции заключалось в том, что при создании нормы необходимо опираться только на ненормированную форму речи, присущую сфере бытового общения неграмотных. Оно обуславливалось прежде всего младограмматическими взглядами Психариса на койне, согласно которым при образовании последнего недопустимо влияние литературной традиции («нормальные койне никто не создает, они создаются сами. Это живые языки, потому что они заимствуют то из одного, то из другого говоря местности, иногда и из говора деревни»). Стоя на младограмматических позициях, Психарис отрицал далее какие-либо специфические особенности в истории греческого языка («греческий язык развивался подобно всем языкам мира»), а все особенности языковой истории

⁸ Там же, 4, стр. 480.

⁹ Там же, 5, стр. 297.

¹⁰ Там же, 4, стр. 480 и сл.; 5, стр. 286—294; М. А. Τριανταφυλλίδης, *Νεοελληνική γραμματική*, 1, ²Αθήνα, 1938, стр. 505.

¹¹ Ψυχάρης, *Μεγάλη ρωμανική ἐπιστημονική γραμματική*, 1, ²Αθήναι, 1929.

греческого общества считал результатом ненормальных препятствий на пути естественного развития этого языка, в частности, результатом деятельности тех, кто стремился якобы «препятствовать развитию современного литературного языка» (как-то писателей конца XVII—XIX в. вроде Дукаса и Кодрикаса с их основанными на «недоразумении» попытками возродить древний язык, Кораиса с его знаменовавшими «всего-навсего возврат назад, а не прогресс» попытками направить греческое языковое строительство по «среднему пути», Кондоса с его попытками архаизовать кафаревусу и т. д.). В результате деятельности подобных лиц (все они в равной мере были для Психариса принципиальными противниками, ибо для него был достаточен сам факт наличия у них проявления архаизма, на степень же этого проявления он внимания не обращал) в Греции и возникла диглоссия особого рода («между д и г л о с с и е й в других странах и греческой д и г л о с с и е й существует различие: ... там речь идет о нормальной д и г л о с с и и, являющейся результатом естественной эволюции, а совсем не о д и г л о с с и и искусственной и произвольной»). Этой «инородной д и г л о с с и и», от которой страдает Греция, по мнению Психариса, настало время положить конец. Сделать это можно, лишь признав «национальный язык» (т. е. народный язык) и ведя языковое строительство в Греции по примеру других стран («В Греции нужно сделать то же самое, что уже было сделано во Франции. Народный, т. е. современный язык, должен стать основой всякого стиля»). Избегать в норме «всякого оборота, всякого словоизменения, даже всякого синтаксиса, которые не свойственны разговорному или народному языку» необходимо потому, что подлинным фактом языка может считаться лишь то, чего «не ищут, то, что создается исключительно духом, то, что является результатом спонтанного создания языка народом». «Ученый» же «язык» — кафаревуса (хотя большинство считало, что «греческий язык не изменился за две тысячи лет») не может быть национальным языком — во-первых, потому, что «он является искусственным», во-вторых, потому, что «даже сами пуристы отказываются от него в разговоре и признают, что нигде на нем не говорят в чистом виде», в-третьих, потому, что «на его пути к успеху стоят психологические и физиологические препятствия столь же большие, какие мы имели бы во Франции, если бы пытались оживить французский язык песни о Роланде». «Заблуждением» является и вера многих в то, что можно «достичь стилистического единства и создания общего для всех греков литературного языка, пользуясь древним языком, более или менее смешанным с современными формами» (т. е. идя по пути компромиссов). «Один найдет, что *πᾶς* является слишком древним и что *παῖδιον* подходит лучше; второй, напротив, остановится на *χοράσιον* и охотно принесет в жертву конечное», но еще кто-нибудь будет протестовать и утверждать, что *χοράσιον* и *πᾶς* являются более благородными и п р о и з в о д я т л у ч ш е е в п е ч а т л е н и е в р е ч и: словом, каждый писатель будет ссылаться на вкус публики ... И тут начинается путаница». «Когда один употребляет простое будущее время, а другой — будущее составное, когда один не останавливается перед употреблением инфинитива, а другой заменяет его аналитической конструкцией с *ῶ* и субъюнктивом, когда один допускает употребление дательного падежа, а другой его отвергает, это создает ... морфологические различия, которые вырывают пропасти между языком одного автора и языком другого ... В морфологии современных диалектов, наиболее непохожих друг на друга, нет такого разрыва, который наблюдается между различными учеными языками». Итак, согласно Психарису, со всех точек зрения необходимо отвергнуть письменную традицию («литературный язык является наиболее сильным препятствием для свободного и спонтанного развития языка») и считать,

что греческий язык «находится ... в таком же положении, в каком находятся все литературные языки при своем возникновении»¹².

«Писать на народном языке» означало для Психариса использовать некую лингвистическую конструкцию, поскольку он не отрицал, что любая реальная живая народная речь (основа) нуждается в обработке, чтобы стать филологическим языком. Поэтому второе положение концепции Психариса касалось метода такой обработки. Этим методом были максимально большие упрощение и унификация на основании только лингвистических соображений. «Я выбираю, — писал Психарис, — для примера множественное число от *συγγραφέας*; *συγγραφείς* более не принадлежит к современной морфологии; с другой стороны, именительный падеж множественного числа *συγγραφέες* мне неизвестен, и я сомневаюсь, чтобы он существовал. Тот, кто употребил бы его, должен был бы, очевидно, создать эту форму по модели и по аналогии с другими современными эквивалентными формами, например, *βασιλιάδες* ... Я признаю, что формы *συγγραφάς*, *συγγραφέες*, *ὁ ῥητορ* меня не напугали бы. Я думаю, что можно рискнуть употребить даже именительные падежи вроде *ὁ πάθος*. Важно, чтобы эти формы были бы употреблены в первый раз, и мало-помалу дело пойдет»¹³. Человек, пожелавший бы создать, применяя метод Психариса, современный русский литературный язык, должен был бы, очевидно, требовать упразднения склонения *знамя — знамени* — ... (склонения древнего и, следовательно, «не принадлежащего к современной морфологии»), спряжения *бегу — бежишь — бежит* — ..., множественного числа *космонавты* и настаивать на внедрении унифицированных по «ведущим» образцам склонения *знамя — знами* — ..., спряжения *бегу — бежишь — бежит* — ..., множественного числа *космонавтá* и т. д. и т. п.

Психарис проявлял крайнюю нетерпимость ко всем другим существовавшим в его время формам литературной речи. «Ученый язык» он называл «путами», «антинациональным языком», «скверно прочтенным» или «исковерканным» древнегреческим языком, «убийцей народа», «иностранном языком», «варварским языком», языком, представляющим «серию грамматических какофоний», языком, у которого «отсутствуют правила и постоянно остается открытой дверь для произвола и индивидуальной фантазии», у которого отсутствует лексическое и грамматическое единообразие для передачи даже простейших понятий. «Мешанный язык» для него был «отступлением, а не прогрессом». Наконец о писателях своего времени он говорил, что они «не знают, на каком языке они пишут»¹⁴.

Итак, концепция и программа Психариса были лишены какой-либо связи с социологическим анализом современной ему греческой действительности: он игнорировал значение национальных языковых традиций Греции и в решении социальной по основному характеру проблемы нормы опирался исключительно на младограмматическую теорию языкового развития, не понимая, что его лингвистические аргументы были чужды широкому слою общества.

¹² Ψυχάρης, Μεγάλη ... γραμματική, 1, стр. 89; J. Psichari, Essais..., 1, стр. XVIII, XX—XXII, 185, 187—188, 254, 264, 267, 274, 277; J. Psichari, Quelques travaux de linguistique, de philologie et de littérature helléniques 1884—1928, 1, Paris, 1930, стр. 159, 439, 443, 1294.

¹³ Ψυχάρης, Μεγάλη ... γραμματική, 1, стр. 16, 98—99; J. Psichari, Essais..., 1, стр. 282—284.

¹⁴ J. Psichari, Essais..., 1, стр. XVIII—XX, 248, 268, 285—287; J. Psichari, Quelques travaux..., 1, стр. 444, 1007, 1293; Ψυχάρης, Μεγάλη ... γραμματική, 1, стр. 15, 113.

Младограмматическая аргументация доныне осталась основной опорой сторонников созданного Психарисом направления в решении проблемы новогреческого литературного языка, стремящегося не допускать в этот язык древние элементы. Этот языковый антитрадиционализм в конце XIX — начале XX в. был составной частью греческого европеизма, но ныне стремится войти в рамки современного греческого традиционализма.

Отсутствие социологического компонента в социолингвистике Психариса привело к тому, что в большинстве своем созданную им норму не приняли противники кафаревусы. «Язык Психариса, — писал один из них, крупнейший греческий поэт нового времени К. Паламас (1859—1944), — ... обладает большим непреодолимым пороком ... Это — одностороннее языковое произведение, созданное с абсолютной верой в науку и при употреблении исключительно языковых законов. Но письменный язык ... — это нечто иное ... Народный язык, для того чтобы на нем сейчас писали так, как это подобает, нуждается в элементах, которые отыскиваются, сознательно или бессознательно, в здешней атмосфере повседневной жизни... Элементы эти отсутствуют у Психариса, который не живет среди нас ... Лингвист поглотил поэта. Народный язык развивают не догматизм и логика, ... а история и психология»¹⁵.

Психарис понимал, конечно, социальную значимость проблемы нормы («чем иным является вопрос о нашем письменном языке, если не вопросом, относящимся к области искусства?»), но, проявляя прямолинейный лингвистический фанатизм, утверждал, что «грамматика, упорядоченная грамматика нашего языка (т. е. созданная им самим лингвистическая конструкция. — К. Л.) — это ныне национальная необходимость», потому что «нация стоит на краю пропасти». Сознывая, что в Греции еще очень далеко от «общегреческого энтузиазма», о котором он мечтал, что кафаревуса «вошла, въелась» в греков, он, однако, заявлял: «Это меня не касается и не беспокоит. Я думаю о р е б е н к е» — иными словами, сознавая, что языковое будущее Греции зависит от того, какой язык усвоят дети, не понимал, что последнее зависит от языковых склонностей взрослых. Из-за отсутствия внимания к социальной стороне «языковой борьбы» Психарис неверно осмыслил итоги языкового развития Греции в конце 20-х годов XX в. и перспективы этого развития, оценив ускоряющееся распространение «мешаного языка» как признак определенного успеха сторонников «народного языка» («борьба происходит ныне уже не между пуристами и вульгаристами, а между сторонниками мешаного и сторонниками чистого языка»), хотя этот факт означал поражение «народников» (они сами признают это в наши дни). Игнорируя психологию нации, он давал поражающие своей непрактичностью рецепты: так, указывая, что одной из причин «смешения» в языке является «поэтическая вольность», он призывал: «Пока что — долой поэзию». Триандафилидис был прав, когда написал в конце рассказа об одной из своих встреч с Психарисом: «Я ушел с впечатлением, что Психарис утратил чувство реальности»¹⁶.

Европейское новогреческое языкознание создавалось одновременно с национальным новогреческим языкознанием — в 80-е годы XIX в. Основателем первой в Европе, до сих пор наиболее сильной и авторитетной школы языковедов-новогрецистов — парижской (и тем самым основателем новогреческого языкознания в Европе) был не кто иной, как Психарис. Хотя европейское новогреческое языкознание нельзя считать социолинг-

¹⁵ «Νέα Ἑστία», 81, Ἀθήναι, 1967, стр. 302.

¹⁶ Ψυχάρης, Μεγάλη ... γραμματική, 1, стр. 6, 14, 17, 30, 45; J. Psichari, Quelques travaux..., 1, стр. 1332; Ἀπχνα..., 5, стр. 374.

вистикой по преимуществу, именно социолингвистическим взглядам Психариса оно обязано до сих пор и суженным пониманием своего объекта, и господствующей трактовкой истории языковой реальности в греческом обществе нового времени. Связь идей Психариса с идеями, возобладавшими в европейском новогреческом языкознании, ясно проявилась, в частности, в высказываниях европейских филологов начала XX в. по проблеме нормы в Греции.

В 1903 г. вышла работа К. Крумбахера «Проблема новогреческого письменного языка»¹⁷, в которой делался вывод о необходимости языковой реформы в Греции в духе требований Психариса. Крумбахер, правда, говорил, что «Психари ... впал в односторонность. Его методы приложимы для создания литературного языка среди народа некультурного, ... но не там, где, как в Греции, народ имеет большое литературное прошлое. Грамматический терроризм Психари только испугал публику». «Но все же, — утверждал он, — Психари ближе к истине, чем его противники. В основу реформы во всяком случае должен быть положен народный язык... Спасение не в *κλῆρονομία* с уступками народному языку, а в народном языке, смягченном традицией»¹⁸. Неприятие большинством греческого общества «народного языка» в качестве языка литературного Крумбахер считал общенациональным заблуждением. В 1905 г. Хадзидакис выпустил работу «Проблема новогреческого письменного языка» К. Крумбахера и ответ ему¹⁹, в которой заявил о необходимости считаться с общественным мнением в Греции. Хотя он сам в принципе не отвергал идею реформы, он считал ее в условиях начала XX в. невозможной.

Для европейских ученых, по словам Триандафилидиса, «эти две работы показали ... глубокую пропасть, которая разделяет ... две теории... Они показали, что слепая преданность прошлому ... и будущее нации ... не могут примириться». Почти все европейские филологи выступили против того, что казалось им «слепой преданностью прошлому», став тем самым вслед за Крумбахером на сторону Психариса. Так, К. Дитрих писал: «Мы видим, что речь идет о противоречиях между западноевропейской и восточной культурами; ... Если Хадзидакис считает, что письменный греческий язык находится в особых условиях, ... то он, как кажется, не понимает, что эти особые условия могут быть лишь симптомами общественного и национального загнивания». А. Тумб говорил, что духовный упадок и кафаревуса взаимосвязаны и определяют друг друга. К. Бругманн заявил, что для греческой нации важнейшим является вопрос о том, сможет ли она «разорвать традицию»²⁰.

Тут уместно напомнить, что европейские филологи в начале XIX в., руководствуясь подобно тогдашним политикам не анализом социальной действительности в Греции, а предвзятыми суждениями, сами толкали греков к архаизации в языковом строительстве. Таким образом, их коллеги начала XX в., яростно критиковавшие эту самую архаизацию, проявили странную забывчивость. Худшим, однако, было то, что они, как и их предшественники, по-прежнему игнорировали греческую социальную реальность. Пожалуй, лишь один европейский филолог начала XX в. —

¹⁷ К. K r u m b a c h e r, Das Problem der neugriechischen Schriftsprache, München, 1903.

¹⁸ Цит. по кн.: И. А н д р е е в, К вопросу о новогреческом литературном языке, [б. м.], 1904, стр. 19—20.

¹⁹ Γ. Χατζιδάκις, Τὸ πρόβλημα τῆς νεωτέρας γραφομένης Ἑλληνικῆς ὑπὸ Κ. K r u m b a c h e r καὶ Ἀπαντήσις εἰς αὐτόν, Ἀθήναι, 1905.

²⁰ Цит. по кн.: Ἀπαντα ..., 4, стр. 4—7.

А. Хайзенберг, — обладая более широким, чем его коллеги, кругозором, понял, как глубоко укоренился в Греции традиционализм и насколько нереальными являются призывы к грекам разорвать с традицией. Он был, пожалуй, единственным в Европе, кто, ясно понимая социальную сущность проблемы нормы в Греции, заявил о необоснованности как утверждений о «мертвости» «ученого языка», так и его противопоставления «народному языку». Как единственно верный в греческих условиях рассматривал Хайзенберг обоснованный впервые Кораисом компромиссный путь, а главной чертой языкового будущего Греции считал распространение с ростом просвещения письменного языка ²¹.

Позиция Хайзенберга осталась нехарактерной для европейского новогреческого языкознания. Дезориентированное до сих пор в силу опоры на младограмматические принципы, оно создает неверное представление о языковой реальности в Греции, вульгаризаторски трактуя греческую «языковую борьбу» как борьбу реакционеров-традиционалистов против прогрессивных «народников».

²¹ A. Heisenberg, *Dialekte und Umgangssprache im Neugriechischen*, München, 1918, стр. 18, 26; A. Heisenberg, *Die jüngste Entwicklung der Sprachfrage in Griechenland*, Berlin, 1911, стлб. 18.